

УДК 947

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/79>

**ИДЕОЛОГИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ,
НАСЕЛЕНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СИБИРИ
(КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)**

©Протасова О. Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950,
канд. ист. наук, Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

**IDEOLOGISTS OF REGIONALISM ON THE TERRITORIAL STATUS,
POPULATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF SIBERIA
(END OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES)**

©Protasova O., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-code: 3562-1950, Ph.D.,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. Выполнен анализ идейных воззрений ведущих представителей сибирского областничества: А. П. Щапова, Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и др. Показано, что областничество (автономизм) как идейно-политическое течение, взявшее старт с середины XIX в., пополнялось сторонниками из числа сибирских уроженцев, а также сочувствующими, преимущественно из народнической среды, знакомыми с жизнью Сибири по каторге и ссылке. Областники и их союзники критиковали официальную политику государства в отношении Сибири, ее природных богатств и коренных народов; они видели в этой территории огромные экономико-хозяйственные и социокультурные перспективы. Особо выделен вопрос об оценке представителями областнического течения положения сибирского крестьянства, его отношений с крестьянами-переселенцами из европейской части России. Охарактеризован психологический тип сибиряка, отличный от «среднестатистического» типа жителя российской «метрополии» и в ряде черт сходный с западноевропейцем или североамериканским колонистом. Формированию в характере сибиряков таких черт, как независимость, предприимчивость, утилитаризм способствовали и природные условия, и отсутствие в Сибири крепостнических традиций. Делается вывод, что идейная программа областничества не содержала сепаратистских устремлений, а была направлена на привлечение внимания общественности и власти к проблемам Сибири, решение которых, по убеждению областников, оптимально могло осуществиться в условиях федерализации государства, с предоставлением Сибири статуса автономии.

Abstract. The article analyzes the ideological views of the leading representatives of the Siberian regionalism: A. P. Schapov, N. M. Yadrintsev, G. N. Potanin and others. It is shown that regionalism (autonomism) as an ideological and political trend that started in the middle of the XIX century, it was replenished with supporters from among Siberian natives and sympathizers, mainly from the populist environment, familiar with the life of Siberia through hard labor and exile. The oblasts and their allies criticized the official state policy towards Siberia, its natural resources and indigenous peoples; They saw huge economic, economic and socio-cultural prospects in this territory. The issue of the assessment by representatives of the regional trend of the situation of the Siberian peasantry, its relations with the peasants who migrated from the European part of

Russia is highlighted. The psychological type of a Siberian is characterized, which differs from the “average” type of a resident of the Russian “metropolis” and in a number of features is similar to a Western European or North American colonist. Natural conditions and the absence of serfdom traditions in Siberia contributed to the formation of such traits as independence, enterprise, and utilitarianism in the character of Siberians. It is concluded that the ideological program of the regionalism did not contain separatist aspirations but was aimed at attracting the attention of the public and the authorities to the problems of Siberia, the solution of which, according to the regionalists, could optimally be realized in the conditions of federalization of the state, with the granting of autonomy status to Siberia.

Ключевые слова: Сибирь, областничество, колония, метрополия, федерализм, государство.

Keywords: Siberia, regionalism, colony, metropolis, federalism, state.

Национальный вопрос, равно как и вопрос территориального устройства в столь огромном и полиэтничном государстве, как Российская империя, не мог не быть сложнейшим и в высшей степени дискуссионным. Россия была державой централизованной и в силу своих масштабов демонстрировала ряд недостатков столь сугубого унитаризма. Привычный консерватизм государственной власти не способствовал росту опыта реорганизации механизма взаимодействия центра и окраин, в то время как историческое развитие социума объективно требовало инноваций. Отсутствие подобных традиций и примеров ставило в тупик и оппозицию, желавшую обновить российское государство, как по содержанию, так и по форме. Не одна политическая партия из тех, что возникли в конце XIX – начале XX вв. и направляли ход революционных событий 1905-1907 и 1917 гг., затруднилась в разработке именно национального вопроса как части своей программы либо избирательной платформы. Естественным образом национальный вопрос был связан с вопросом «колониальным», который в российских реалиях также был непростым и неоднозначным. Его сложность происходила как из проблемы градации российских земель на «окраины», «колонии», «метрополию» и т.д., так и из неодинакового экономико-культурного развития разных местностей [3].

Эти острые вопросы волновали равнодушную общественность страны задолго до образования партийной системы. Еще с середины XIX века перед российской политической мыслью, к тому времени полностью преодолевшей отставание от Европы, встала проблема поиска оптимального государственного устройства, что предполагало определение места и роли «окраин» в социально-политическом организме огромной империи. Сибирь по своей территориальной величине, природным богатствам, многонациональности, перспективам заселения и хозяйственного развития требовала особого статуса и вызывала особый интерес. При этом в сознании большинства жителей европейской части империи она ассоциировалась не столько со своим экономико-культурным потенциалом, сколько с мрачным миром таежной дикости, каторги и ссылки. Способствовать изменению подобного отношения к Сибири могли факторы объективные и субъективные. К первым следует отнести поворот всего государственного курса (этого, по сути дела, и стали добиваться сибирские федералисты, когда сформировали свою идейную платформу), ко вторым — разъяснительную, просветительскую работу, привлекая внимание общественности к наиболее острым проблемам данной территории, которая переставала восприниматься как чужая земля, заселенная малыми народностями (т.н. инородцами) [1, с. 214-215].

Ключевую роль в этой научно-просветительской деятельности сыграли представители идейного течения, получившего название сибирского областничества. Среди них были крупные ученые: историки, географы, антропологи, этнографы. Основными направлениями в исследованиях областников стали: изучение экономических и политических тенденций и перспектив развития областей Сибири, вопрос о настоящем и будущем территориальном статусе Сибири, национальный вопрос, сохранение самобытной культуры коренного населения, поддержка и развитие сибирских «инородцев», определение роли сибирской интеллигенции в деле прогрессивных изменений края.

Материалом для данного исследования послужили труды виднейших представителей сибирского областничества, а также некоторых ученых и публицистов конца XIX – начала XX в., напрямую не связанных с областническим движением, но живо заинтересованных сибирской тематикой и выражавших мысли, по существу сходные с мнением автономистов. Из современных работ для полноты анализа выбранной проблемы взяты сочинения отечественных и зарубежных авторов, специализирующихся на вопросах постколониализма.

Широко известная ленинская аттестация царской России как «тюрьмы народов» являлась, безусловно, частью большевистской пропаганды, декларативной по стилю и основанной на дискредитации всей тогдашней государственной системы по существу. Однако с ленинской формулой, несмотря на ее явную тенденциозность, были согласны не только верные союзники Ильича, но и некоторые оппоненты, особенно из социалистического лагеря. Главной причиной тому было слишком неравное положение «метрополии» и «колоний», очень разный, как сказано выше, уровень экономического, политико-культурного развития «центра» и окраин. Отношение к великороссам и представителям других этносов также разнилось, однако формально основанием неравенства здесь было вероисповедание.

На вопрос, где в имперской России заканчивалась «метрополия» и начинались «колонии», однозначно ответить не так-то легко из-за отсутствия явных природных рубежей — морей и океанов — между ними. В качестве метрополии обычно рассматривались губернии Европейской России, которые очень различались между собой и по размерам, и по степени социально-экономического развития, и в отношениях с имперским центром. Американская исследовательница Э. Лоунсбери считает, что в русском культурном сознании XIX века различия между такими понятиями, как провинция, колония, пограничные земли и границы, не были четко детерминированы [2]. При этом она выводит следующую закономерность: по отношению к «экзотическим» землям (Кавказ, Средняя Азия) не применялось понятие «провинция», оно относилось только к русским землям. Пожалуй, с этим утверждением можно согласиться. М. В. Михновец выделяет в глоссарии Ф. М. Достоевского единицы, объединяемые гиперонимом «нестоличные земли»: провинция, окраины, колонии, пограничные земли. Для него окраины – это в первую очередь западные пограничные территории империи: Польша, Остзейские провинции – то есть земли, где элементы западной цивилизации сталкивались и конфликтовали с традициями и культурой православной славянской России. Слово «колония» в творческом наследии Достоевского практически не встречается [2], однако при том, что Сибирь должна быть вынесена в особую категорию российских земель, именно она, методом исключения, больше всего подходит под это понятие.

Исследования новейшего периода не обходят тему российской колонизации своим вниманием. Среди них немало работ иностранных авторов. Пожалуй, самая известная книга о России в зеркале колониализма — «Внутренняя колонизация» Александра Эткинда [3]. В ней известный филолог и историк, профессор Кембриджского университета рассказывает о том, как Российская империя расширялась за счет чужих территорий и осваивала

собственные земли. Эткинд приводит ряд оценок, данных отечественными и зарубежными мыслителями характеру России как империи и специфике ее колониальной политики в сравнении с Европой и ее колониями. Так, относительно «сюжета внутренней колонизации» в русской литературе Эткинд пишет о «символическом и дискурсивном насилии над представителями низших сословий со стороны имперских администраторов, по характеру близком к колониальному». Это означало одновременно презрение к «низшим» и романтизацию первобытной простоты их жизни и «девственного» сознания, как их воспринимали представители господствующих классов. Данное наблюдение представляется верным применительно к традиционной России, имея в виду даже не столько сознание населения ее колониальных владений, сколько «народное сознание» вообще: в нем самым естественным образом сочетались национальная гордость и личностная приниженность, «задавленность»; низкопоклонство и в то же время ненависть к набольшему (господину, начальнику, царю и т.п.), внутренний протест против тирании и при этом удивительное долготерпение. «Я царь, я раб, я червь, я бог!» [4, с. 114] — эти слова Г. Р. Державина могут служить иллюстрацией амбивалентности, бинарности, внутренней конфликтности российского менталитета. Неудивительно поэтому, что Центральная Россия нередко ощущала себя провинцией или даже колонией – по отношению к столице и тем более Европе, которая, словно делая одолжение, принимала Россию в свой мир (разумеется, в статусе «провинции»). Издержки этого «провинциального» сознания, увы, не исчезли и по сей день: они проявляются в неистребимой привычке держать равнение на западные стандарты, западный образ жизни, в восприятии Северной Америки и Западной Европы как эталона цивилизации и т.п. О том, что в нынешнем мире «цивилизационные» акценты давно сместились, приходится постоянно себе напоминать.

По-своему примечательна работа Эвы Томпсон, затрагивающая проблему «взаимоотношений» колониальной политики царской, а затем советской власти и культурного развития «окраинных» народов. В этом исследовании отчетливо видно тенденциозное отношение к России. Так, автор с удовольствием подчеркивает: для западного колониализма характерно концентрирование власти и знания в метрополии, на этом и базировались его претензии на доминирование. Русское же колониальное правление, по словам Томпсон, преимущественно опиралось лишь на власть, поэтому народы, жившие у западной и юго-западной окраины империи, воспринимали себя более цивилизованными, чем представители метрополии [5] (речь идет, очевидно, о Польше и относительно автономной Финляндии). Эта особенность, наряду с географической близостью российских колоний и метрополии, позволила в отношении СССР — России «избегать постколониальной таксономии» [5]. Психология покоренных Россией народов, заявляет автор, отличалась от психологии народов колониальной Британии: например, индусы могли относиться к британцам как к врагам, но при этом волей-неволей признавали их цивилизационное лидерство.

Однако вернемся к отечественным аналитикам данной проблемы. Возмущение сибирских патриотов незавидным колониальным (или окраинным) статусом их земли было понятным и правомерным, поскольку культурно-психологическая дистанция между территориями, разделенными Уральскими горами, в дореволюционной России была действительно чрезвычайно велика. В 1822 году сибирский губернатор М. М. Сперанский писал, что «Сибирь — это просто Сибирь», прекрасное место для ссыльных, но не для жизни и гражданского образования (<https://gornovosti.ru/news/21016/>). По многочисленным свидетельствам, сами сибиряки четко различали «Сибирь» и «Россию», однако это не

означало, что они стремились отмежеваться от последней в этнокультурном смысле. Целенаправленной борьбы и «пришельцами» из-за Урала они тем более не вели.

Точное время зарождения автономистского движения Сибири указать сложно. «Первым сибирским патриотом» Г. Н. Потанин называет историка и этнографа, попечителя учебных заведений учебного округа Западной и Восточной Сибири П. А. Словцова (1767-1843), автора двухтомного «Исторического обозрения Сибири». В этой книге, несмотря на отсутствие громких фраз о любви к родной земле, столь явственно выражалось желание привлечь внимание сибирского читателя к своей родине, населенной особым народом, что, по словам Потанина, «образованные сибиряки смотрели на составление этой книги, как на патриотический подвиг» [6, с. 1-2]. Первыми сибиряками, которые «манифестировали сибирский патриотизм» [6, с. 4], Потанин называет писателей А. А. Мордвинова (1813-1869) и П. П. Ершова (1815-1969), автора знаменитого «Конька-горбунка». Причем, если у Мордвинова сибирский патриотизм обнаруживался, по мнению Потанина, «в протесте обиженного чувства», то у Ершова он начал оформляться «в ряд практических замыслов», которые автор, увы, реализовать не сумел. Характеризуя при этом черты, свойственные сибирскому обществу, Потанин отмечает, что оно «меркантильно», его не интересуют литературные эффекты, поскольку жизнь ему видится сплошными буднями без красивых эпизодов, и откликнется оно лишь на разговор о своих реальных нуждах [6, с. 4-6]. Историк А. П. Щапов (1831-1876), одним из первых начавший целенаправленно изучать Сибирь и населяющий ее народ, рассматривал эту землю в качестве своеобразной «антропологической лаборатории», где идут непрерывные процессы ассимиляции, напрямую связанные с естественно-географическими и историческими факторами [7]. Колонизация Сибири способствовала появлению локальной разновидности русского этноса — сибиряков. Сибирский этнос сложился, по мнению исследователя, под влиянием местных природных условий, в результате освоения сибирских земель и постоянных контактов с коренным населением [8]. Таким образом, Щапов дал старт изучению сибиряков как особого этнокультурного феномена. Правда, не все его выводы встретили затем согласие исследователей. Так, современные аналитики считают продуктивной его идею (в конце жизни самим Щаповым раскритикованную) о том, что история России и до, и после централизации была историей областей в их взаимоотношениях; этот тезис вполне соотнобразуется с федеративным принципом организации современного российского государства [9]. Однако смешение Щаповым народнических и анархистских взглядов, в результате которого он пришел к отрицанию необходимости централизованного государства, не могло лечь в основу серьезной программы политических действий, и впоследствии областники существенно скорректировали эти установки. Подвергается ныне критике и описание Щаповым продвижения русских землепроходцев на восток как колонизации в «классическом» понимании этого слова, сопоставимой с захватнической политикой европейских конкистадоров. Не вполне научным признан и вывод о том, что именно колонизация огромных пространств, а не суровые природно-климатические условия вызвали преобладание в нашей истории физического развития над интеллектуальным [9].

К концу 1850 – началу 1960-х гг. сибирские патриоты, уже не ограничиваясь чисто научными изысканиями, обратились и к литературе, усвоив столичные тенденции и приняв в качестве идейного подспорья публицистическую традицию народничества. Доказательством близости будущего сибирского областничества к народничеству можно считать, помимо прочего, внимание, уделяемое обоими этими течениями крестьянской тематике, его специфике на сибирской почве. Г. Н. Потанин считал, что именно крестьянство Сибири первым начало выделять себя из среды русского крестьянства вообще; а уже следом за ним

так же поступила и сибирская интеллигенция [6, с. 8]. Обособление крестьянства, впрочем, воспринималось, исходя не из темперамента, характера, форм труда, а исключительно территориально, вне сложной экономической жизни европейской России. Обмен товарами, по Потанину, также был крайне неравноценен, и в нем «скрывалась мысль о противопоставлении, контрасте» [6, с. 9]: из европейской России на восток везли «фабрикаты» (продукцию), из Сибири на запад — только сырье. Это неравенство дало о себе знать и в социальной сфере при соприкосновении крестьянских миров. В последние два десятилетия XIX в. набрал обороты процесс массовых крестьянских переселений из многолюдных губерний европейской России в Сибирь. Вынужденный поиск земледельцами выхода из затруднений, вызванных спецификой развития российского аграрного капитализма, давал Сибири ранее не виданный ею человеческий ресурс и возможность его дальнейшего роста, открывал новые хозяйственные, социальные, культурные перспективы и, вместе с тем, бросал вызовы. Однако Г. Н. Потанин указывал, что сибирское крестьянство чувствовало свою ущемленность при встрече с колонистами из европейской России. Разница в культуре, противопоставление интересов старожилов и пришлых людей, нередкие вследствие этого столкновения — и, в результате, ощущение местным населением «жизни на стороне, на отбросе» русского мира [6, с. 10].

В интеллигентской среде расхождение интересов европейского и сибирского миров проявилось в том, что представители сибирской молодежи, отучившиеся в столичных университетах, считали моветоном не вернуться в свои родные края, так как Сибирь бедна образованными людьми и нужно восполнить этот дефицит во что бы то ни стало. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев выступили инициаторами землячества студентов-сибиряков. По воспоминаниям Ядринцева, молодые сибиряки мечтали «о счастливой будущности нового девственного края, подобно Америке и Австралии, рисовали ее в будущем ... царицей Азии». Попутно оформлялась идея создания сибирского университета. Николаю Михайловичу Ядринцеву (1842-1894) суждено было стать идейным вдохновителем и лидером областнического движения последней четверти XIX в.; после его смерти движение возглавил Григорий Николаевич Потанин (1835-1920) (<https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/23/>)

Большим энтузиастом сибирской «эмансипации», увы, рано ушедшим из жизни, был ученик А. П. Щапова Серафим Серафимович Шашков (1841-1882). Привлеченный к областнической деятельности Потаниным и Ядринцевым, он стал одним из редакторов рукописной прокламации «Патриотам Сибири», где содержался призыв к борьбе за независимость края [10]. Данный документ, истинное авторство которого не принадлежало ни Шашкову, ни другим известным в будущем областникам, стал основанием для возбуждения политического дела и стоил фигурантам свободы, а Шашкову еще и здоровья.

Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев считали С. С. Шашкова самым образованным из областников; с полным основанием можно назвать его и настоящим просветителем. Он написал множество научных и популярных работ по истории, этнографии, социологии, литературоведению, международным отношениям, был основоположником гендерной истории, изучал «женский вопрос». В своих публичных лекциях по истории Сибири (их тексты утверждались у начальства, в частности, у томского губернатора) Шашков рассматривал эту землю как колонизируемую окраину, ярчайшим признаком зависимого положения которой являлись крепостнические порядки, горнозаводское производство, бедственное положение народов-аборигенов и «административное бесправие» региона в целом.

Н. М. Ядринцев утверждал, что в силу географического положения и этнического состава населения, Сибирь представляет собой арену встречи двух цивилизаций —

европейской и азиатской, результатом чего должно явиться взаимопонимание, братство между народами. Однако в реальности до такого братства было еще далеко. Противостояние местного (сибирского) и пришлого (российского) миров Ядринцев ощутил, оказавшись в 1865 г. в омском остроге, где большинство арестантов составляли местные крестьяне и бродяги — уроженцы «Расеи». Первые и вторые беспрестанно пикировались между собой, различия в их характерах и житейских установках бросались в глаза заинтересованному наблюдателю. Бродяги — «чалдонофобы» (сибирских крестьян пришельцы называли «чалдонами», или «челдонами») высмеивали педантизм и домовитость сибиряков, смешанные с полным невежеством и отсутствием всякого интереса к духовной культуре. «Чалдоны», в свою очередь, насмеялись над бродягами, нищими и безнравственными, однако уверенными в полном своем преимуществе перед местным населением из-за того, что они выходцы не из таежной глуши, а из «цивилизованных» мест.

В одной из своих книг, посвященной коренным народам Сибири [11], Н. М. Ядринцев ратовал за необходимость скорейшего их просвещения. По обретении ими гражданской зрелости (не раньше!) справедливо будет дать им возможность самостоятельно решать свою этнокультурную судьбу. Особую культурную миссию Ядринцев возлагал на русское население Сибири: «Недаром в Сибирь пришла самая энергичная и предприимчивая часть русских людей; недаром эти люди делали завоевания, открытия и почти три столетия работали по лесам и пустыням новой земли... Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем? Нет, вы мне не покажете такого народа!» (http://irkipedia.ru/content/yadrincev_nikolay_mihaylovich).

Ядринцев отмечал, что одной из отличительных черт характера сибиряков, включая русских, было отсутствие у них, так сказать, исторической памяти. Это отсутствие можно было объяснить географической удаленностью от событий, которые совершались на земле и с участием так называемых «расейских» и давали последним основания для гордости и патриотизма. Русская общественная жизнь была настолько далека от сибиряка, что путешественников поражали здешнее равнодушие и безучастие ко всему, что происходило за Уральскими горами [12, с. 106]. Исследователь также констатировал свойственные русским сибирякам «грубость и диковатость», сблизившие их нравы с нравами инородцев, но при этом понимал, что данные черты – следствие суровой местной жизни, проводимой в борьбе с неприветливой природой, и в то же время находил в местном населении «проблески смелой любознательности и пытливого ума» [12, с. 107]. Пришельцев, в том числе путешественников, сначала принимают с недоверчивой осторожностью, которая затем сменяется живым любопытством. Это относится не только к людям, но и к всяким культурным «диковинам»: за первым недоумением следует желание непременно разобраться, что это такое и как оно действует [12]. Ядринцев подчеркивает, что та самая «диковатость» сибиряков, которая бросалась в глаза в середине XIX в., ближе к концу столетия ощущается гораздо меньше, им на смену приходят «некоторая самоуверенность, гордость и сознание особенностей своего областного типа» [12, с. 108]. В сибиряках много чувства внутреннего достоинства и свободы — гораздо больше, чем в выходце из метрополии: сибиряк не знал крепостного права, слово «барин» для него малозначимо, начальство далеко. Коренной сибиряк, как крестьянин, так и представитель городского среднего класса, «ведет себя непринужденно и развязно», так как «чувствует себя равноправным». Такой демократизм следует из отсутствия в Сибири, по выражению Ядринцева, «монополизирующего культурную жизнь сословия» [12], каковым в метрополии было дворянство. Дворянское население Сибири (не считая администрации, немногочисленной и рассеянной по

просторам) было представлено в основном гонимыми, неполноправными — ссыльными, которые не могли претендовать в этих условиях на какую-то социальную гегемонию. Из характеристик, даваемых сибирякам наблюдателями, можно вывести определенное сходство с американскими колонистами: им в равной степени свойственны смелость, предприимчивость, отсутствие социально-клановых, традиционных «тормозов», утилитаризм, быстрое освоение новых видов деятельности, самоуверенность в хорошем смысле этого слова. Данные черты в столь концентрированном виде гораздо реже можно было встретить в массе населения европейской части России. Однако именно эти свойства были залогом динамичного развития Сибири и в духовном, и особенно в материальном отношениях.

Особое внимание областнические идеологи отводили крестьянскому вопросу, который не обошел и Сибирь. По многочисленным наблюдениям, подкрепленным мнением народнических литераторов (С. Я. Елпатьевский, П. Ф. Якубович-Мельшин, В. Г. Короленко и др.), сибирский крестьянин, в отличие от «российского» общинника – индивидуалист. Ему свойственны «промышленный дух, стремление к наживе и преобладание материальных интересов над общественными» [12, с. 116]. А. П. Щапов писал, что у сибиряка нет общинно-устроительных идеалов и стремлений, какими отличается великорусский народ; нет у него, как правило, и религиозного начала. Развитию этих качеств не способствовала «бродячая жизнь и разрозненность в лесах и степях» [12]. Сибиряк равнодушен к религии, благотворительности, он не сентиментален. Русские переселенцы, привыкая к местным особенностям и отвыкая от прежних социальных связей, быстро перенимали у сибиряков «инстинкты хищности».

Характеризуя сибирскую деревню, Ядринцев находит в ней два типа – кулаков и находящихся у них в долговой зависимости бедных крестьян. Положение последних незавидно, но такое явление — не чисто сибирское и не только следствие местного стяжательства и духовной черствости, как считали многие исследователи. Что касается общины, то Ядринцев находил, что на сибирских просторах она еще не успела окончательно сложиться. В отличие от общин исконно российских земель, она не начиналась как территориальная или родовая, а постепенно, по мере приращения населения, оформлялась в семейную. Поскольку земли было много, каждый крестьянин брал себе ее столько, сколько хотел и мог обработать, чтобы платить оброк, и расценивал свой участок как наследственный; со временем этот участок рос и превращался в семейный. Поэтому в Сибири многие села состоят из однофамильцев, объяснял Ядринцев. Он в целом видел в общине перспективы для экономического и даже нравственного развития сибиряков: для этого, по словам исследователя, нужно уменьшить ее «бюрократическую зависимость» и восполнить недостаток коллективного духа [12, с. 122-123], поэтому улучшение положения общины, по его мнению, будет очень полезно с точки зрения организации местного самоуправления. Огромным преимуществом Сибири, если все-таки расценивать ее как колонию, перед колониальными владениями западных стран Ядринцев называл возможность для колонистов и переселенцев пользования даровой землей. Однако дефицит гражданского развития сибиряков (и не только их), причиной и следствием чего было укорененное в массовом сознании восприятие Сибири как гиблого места каторги и ссылки — минус, который непременно нужно было ликвидировать посредством реформ и просвещения.

В сибирской жизни, отмечал Ядринцев, торговое сословие, в том числе золотопромышленники — в основном выходцы из мужицкой среды, чем они зачастую гордятся. Случалось и так: бывшие крепостные переезжали в Сибирь, наживали состояние, заслуживали на новом месте солидный социальный статус и лишь, потом выкупали себя на

волю. Внутренняя свобода и демократизм, которыми словно бы одаривает людей Сибирь, проявляется и внешне, в частности, в одежде: здесь нет характерных для европейской части страны сословных «паттернов» костюма. Молодежь любого звания носит пиджаки, жилеты, фуражки; крестьяне здесь никогда не знали лаптей и одевались, как городские рабочие. Еще А. П. Щапов замечал, как местное простонародье интересуется модой, старается следовать ей: «даже в деревнях можно видеть шиньоны, кринолины, бурнусы со стеклярусом, сюртуки, часы с цепочками и проч.» [12, с. 110]. Случались и такие явления: разбогатевший крестьянин разъезжает в роскошном экипаже, устраивает бал для чиновников, танцует европейские танцы, выписывает наряды и дорогое вино из столицы или из-за границы. Представители купечества с удовольствием брили бороды и носили немецкие сюртуки. Все это подчас вызывало у приезжих, особенно из дворянства, недоумение и даже возмущение «развращенностью» местного простонародья. Передавая общее впечатление, которое создается у приезжих наблюдателей о крестьянстве зауральских земель, Ядринцев резюмирует: при том, что в Сибири еще остаются отдельные места с диковатым и отсталым населением, в общем и целом сибирское крестьянство «по привычкам и развитию стоит выше своих собратьев из европейской России, живших под другими условиями» [12, с. 111-112]. Формированию таких черт, как смелость, решимость, отвага, практическая сметка способствовала жизнь среди природы, во многом подобная жизни Робинзона. «Наклонность к простору, воле и равенству» — следствие отсутствия в Сибири крепостнических порядков.

Правда, некоторые этнографы сумели заметить в сибиряках такую малопохвальную черту, как «низкопоклонство, раболепство перед высшими» при грубости и дерзости «с равными и посторонними» [12, с. 113]. Ядринцев объясняет ее наличие особенностями местного административного управления. Воеводы и чиновники в Сибири всевластны, а законности практически никакой нет, пишет областник. Отсюда — «порча нравов» сибиряков: заискивания перед «сильными мира сего», лезть, хитрость, лукавство и скрытность.

Областническая идея, вопреки пониманию ее тогдашней официальной идеологией, не содержала по-настоящему сепаратистских устремлений, а была направлена на привлечение внимания центральной России к бедственному положению окраин в надежде получения ими права и возможности свободно развиваться с учетом их этнокультурной самобытности. Поэтому, отстаивая областничество, Ядринцев и его единомышленники выступали как истинные патриоты своего края — неотъемлемой части великой России. Сами они так и называли свое идейное направление — «местный патриотизм». Г. Н. Потанин критиковал распространенное убеждение в том, что автономистская тенденция может иметь смысл лишь при наличии в той или иной местности компактно проживающего инородческого населения, то есть если эта местность явно выделяется из состава государства этнографическими особенностями и историческими традициями [6, с. 57]. Если по отношению к областникам и допустимо применение слова «сепаратизм» (в нем их регулярно обвиняли власти), то лишь в том смысле, как его четко определил Г. Н. Потанин: «Областничество включает в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целостность государства), который на обычном общепринятом языке называется политическим сепаратизмом; последний недопустим с государственной точки зрения; но областнический сепаратизм не угрожает целостности государства, хотя может заходить очень и очень далеко» (<https://gornovosti.ru/news/21016/>).

При такой обширности территории, какой располагала Россия, доказывал Потанин, ведущим основанием ее «расчленения» должна была стать экономика, поскольку «физические условия в разных областях империи различны»

(<https://gornovosti.ru/news/21016/>). Вот и основа «сибирской идеи» — чисто территориальная, уверял Потанин. Он считал, что даже в таких «обособленных этнографически областях» империи, как Малороссия или Польша, истинная причина «обособления» именно экономическая, а этнографический компонент является сопутствующим, факультативным. На европейской части империи по степени «отдаленности» от общероссийского центра, по оценке Потанина, дальше всех областей находилась Финляндия, за ней следовали Польша, Малороссия и сообщество уральских казаков, имевших местный патриотизм не менее явный, чем у малороссов. Объективными, естественными основаниями подобного «обособления» Сибири Потанин называл: отсутствие дворянства; оторванность от великорусских традиций; индивидуализм в сельском мире; распыление земельной общины; *tabula rasa* в сфере землеустройства, нахождение в крае многочисленных некультурных рас; другие физические условия: климат, воздух, течение рек; другие морские берега и другие заграничные соседи. Все это в совокупности, на взгляд автономиста, давало поводы к выделению сибирского хозяйства (вместе с финансами) из общеимперского оборота. Большим недостатком России, при ее масштабах, было тяготение к одному центру — и в сфере власти, и в сферах экономики, науки, культуры и т.п. Остальное же пространство при таком положении дел неизбежно обездоливается, становится пустынное и беднее в культурном и духовном отношении [6, с. 62], считал Потанин. Если же развивать все необходимые для благополучия и прогресса направления на месте, для Сибири откроются широкие горизонты, поскольку ее молодое общество есть открытое поле для реформ и законодательных экспериментов, которые могут быть произведены без болезненной ломки укоренившихся понятий и привычек за отсутствием таковых [6, с. 68]. Нельзя не признать здравого смысла в этих рассуждениях.

Итак, необходимые условия существования Сибири, выполнение которых могло удовлетворить программные установки областников, в общем можно представить таким образом: 1) заселение сибирской земли; 2) право на безвозмездное пользование землей каждого прибывающего; 3) свобода земледельческого труда; 4) поощрение развития местной промышленности; 5) развитие коммуникаций внутри Сибири и за ее пределами; 6) предоставление полных прав гражданства сибирякам наравне с гражданами метрополии; 7) просвещение и простор духовной жизни [12, с. 711].

Специалистом по колониальной тематике являлся и последний дореволюционный ректор Московского университета М. К. Любавский (1860-1936). Напрямую никак не связанный с сибирским автономизмом, в своих исследованиях он подчас высказывал мысли и наблюдения, сходные с областническими [13]. Любавский показал ключевую роль государства в колониационных процессах, подчеркивая взаимосвязь проблемы расселения русского народа с государственными военно-стратегическими и политическими интересами. Его особенно интересовал вопрос, как и почему русский народ «разбросался» по территории, далеко не соответствующей его численности. К слову, диспропорция между величиной территории и количеством населения России — факт, резко бросающийся в глаза и в настоящее время.

Ученый констатировал, что столь малая плотность населения обширной страны, даже при относительно развитой системе коммуникаций, является серьезной помехой росту экономического благосостояния государства, поскольку затрудняет обмен продуктами производства, развитие специализации, тормозит процесс разделения труда, являющегося и условием, и показателем промышленного прогресса. Величина территории, помимо того, возлагает на народ лишние тяжести по содержанию обороны, управления, путей сообщения и т. д. Страдает и обмен опытом, наблюдениями, знаниями и идеями, который при большей

плотности социума мог бы происходить в разы быстрее и интенсивнее. Любавский делает вывод, что огромность России, особенно ее восточной «колонии» — Сибири препятствует преодолению косности, отсталости, замедляет переход от традиционного, аграрного и индустриальному обществу. Более того, именно чрезмерный простор мешал, по мнению Любавского, установлению поддержанию гражданского порядка, общественной самодеятельности, безопасности, законности. О действительном переплетении людских интересов, чаяний и нужд имеет представление лишь узкий культурный слой общества — интеллигенция, знакомая с идеями западных прогрессистов. Абсолютизм в России и концентрацию власти в одних — столичных руках Любавский объясняет необходимостью поддержания подобия порядка в военных условиях, в которых страна находилась почти непрерывно на протяжении всей истории своего существования. Разреженность и податливость населения, патерналистские традиции в народном сознании предопределили форму имперского правления. В то же время на периферии явствовало грубая сила, произвол и злоупотребления местных начальников (мол, «до Бога высоко, а до царя далеко») и, в противовес им — «удалая вольница» казачества, разбойников... Все это Любавский относит к издержкам непомерной территориальной величины России.

Анализ колониальной проблемы Любавского, сугубо научный, более нейтрален, чем у областников. Тем не менее, в нем прослеживается переключка с некоторыми тезисами последних. Любавский симпатизировал партии «Союз 17 октября» и поддерживал претензии октябристов к государственной власти по поводу ее недостаточно внимательного отношения к «окраинным» землям и их населению.

Сибирское областничество не ограничилось одной только научно-идеологической деятельностью, оно заявило о себе и в сфере публичной политики. После Февральской революции 1917 г., когда областникам потребовались союзники среди политических партий, они предпочли неонародников — социалистов-революционеров и народных социалистов, разделявших их собственное стремление к федерализации России. После свержения монархии деятельность областников стала еще более политически целенаправленной: ими планировалось вынести наиболее значимые вопросы по поводу статуса Сибири на обсуждение во Всероссийском Учредительном собрании, где должен был решиться вопрос о государственном устройстве новой, демократической России. Областники планировали добиваться того, чтобы, как было указано в постановлении I Сибирского областного съезда, проведенного 8-13 октября в Томске, Сибирь в качестве автономной единицы обладала всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, имела собственную областную думу, избранную на основе всеобщего избирательного права, и кабинет министров [13]. На выборах во Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было, как они рассчитывали, ратифицировать намеченные ими проекты, областники приняли участие как в составе партийных списков, так и выдвинув отдельные списки в Енисейском и Иркутском избирательных округах. В Иркутском округе, выступив в блоке с народными социалистами, они сумели получить 6,4% голосов [13]. Увы, надеждам сибирских автономистов на всенародный демократический форум, который мог решить судьбу Сибири в положительном для них ключе, не суждено было сбыться.

Приход большевиков к власти не вызвал одобрения у сибирского областничества, и зимой — весной 1918 г. областники активно занимались подготовкой антибольшевистского восстания в Сибири, поддерживали администрацию А. В. Колчака; после его поражения многие эмигрировали. В целом вклад ученых, представителей областничества, в развитие науки и культуры Сибири, особенно археологии, этнографии, истории, оценивается чрезвычайно высоко. Труды «областников» отличались яркостью и имели несомненную

научную значимость, поскольку содержали огромный объем исторической и этнографической информации. Федерализация (по крайней мере, в отношении Сибири), ставшая политической целью областничества, была замыслом вполне разумным и практически применимым. Вместе с тем сделанный областниками сравнительный анализ конкретных сибирских и американских реалий был скорее эффектно-публицистическим, нежели рациональным. Главное, что они хотели подчеркнуть — то, что североамериканским колониям удалось избавиться от колониальной зависимости, и в этом успехе они видели оптимистическую перспективу для любой колонии, а главное — для Сибири.

Марксистский подход к анализу истории Сибири наследовал областническое осуждение грабительской политики России в отношении окраин. В оценках советских историков явственно звучало противопоставление «тюрьмы народов» и «дружбы народов надежного оплота», каковым, согласно официальной идеологии, стал СССР.

Начиная с евразийцев (а, возможно, и раньше) в этнофилософии и этнопсихологии перманентно шли дискуссии о национальном характере русской культуры, о чертах, составляющих его исключительное своеобразие. В результате сложилось устойчивое представление о бинарности менталитета русской культуры, явившейся результатом пограничного евроазиатского положения Руси — России в геополитическом пространстве. Согласно этой позиции, в чертах русского (лучше сказать, российского, «синтетического») характера сосуществуют и борются между собой пары противоположных качеств, идущих от смешения двух европейского и азиатского начал. Среди них индивидуализм и коллективизм, язычество и христианство, светскость и религиозность, чинопочитание и бунтарство... Сибирь в данном контексте сама по себе может быть представлена как арена столкновения бинарных свойств «Востока-Запада»: ее самовосприятие как части России и в то же время совершенно отдельной от нее земли, со всеми вытекающими из этой установки автономистскими устремлениями; отношение к ней со стороны метрополии — одновременно покровительственное и хищническое, пронизанное гордостью за ее обширность и богатство, и в то же время презрением за «провинциальность» или «дикость» обитателей, коренных и колонистов — все это, на наш взгляд, яркий показатель истинно российских ментальных черт. Поэтому и действительный статус Сибири можно обозначить как двойственный: со второй половины XIX в. ей, по факту, были присущи черты культурной и отчасти административной автономии, и в то же время требовалось легальное подтверждение тому от государства.

Популярные ныне в западной научно-культурной среде идеи постколониализма для Сибири — сугубо российской земли представляются, на наш взгляд, малоподходящими: проблемы «деколонизации» сибиряков новейшего времени скорее надуманны и, во всяком случае, несопоставимы по своей остроте с необходимостью борьбы за независимость, а затем и жаждой культурного самоутверждения для народов бывших европейских колоний. Коренные народы Сибири, немногочисленные и приобщившиеся к цивилизации во многом благодаря русским колонистам, не выражали сепаратистских устремлений и не мыслили себя в составе иного, кроме России, государства. Культурная же автономия, за которую боролись как наиболее просвещенные выходцы из этих «меньшинств», так и русские прогрессисты, ими давно получена, а ныне не просто уважаема, но и охраняема, что является одним из магистральных направлений государственной политики. Применительно к государствам и народам Средней (Центральной) Азии можно говорить о постколониалистских тенденциях, охвативших их в конце XX в. и, по отзывам очевидцев, в значительной мере потерявших свою остроту в настоящий момент, когда никто не подвергает сомнению их суверенитет, а

экономические и культурные связи с Россией для них не просто желательны, но и необходимы.

Современные процессы глобализации вызывают разноречивые оценки, имеют своих убежденных сторонников и не менее горячих противников. Одно несомненно: новейшая эпоха «открыла» миру целый ряд народов с их самобытной культурой, вывела их из состояния замкнутости, и это, как следствие, проложило им путь в «большой мир» с широкими возможностями самовыражения, развития, признания. Таким образом, получили осуществление и многие чаяния сибирских автономистов.

Список литературы:

1. Козлов А. Е. От Лазаря до петрашевцев: воображение Сибири в аллегорической повести Н. Д. Ахшарумова "Граждане леса" // Имагология и компаративистика. 2021. №15. С. 214-235.
2. Михновец М. В. Образы окраин Российской империи в творчестве Ф. М. Достоевского: геополитический и историко-литературный аспекты. Дисс..... канд. филол. наук. СПб, 2022. 175 с.
3. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 448 с.
4. Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. 391 с.
5. Томпсон Э. Имперское знание: русская литература и колониализм // Перекрестки. 2007. №1-2.
6. Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
7. Иванов, А. А. А. П. Щапов о штрафной колонизации Сибири // Человек и природа в истории России XVII-XXI веков. Вторые Щаповские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2002. С. 45-49. EDN OBIUWY.
8. Рябкова О. А. Сибирские «областники» (А.П. Щапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев) о положении народов Сибири в составе Российской империи // Genesis: исторические исследования. 2016. №3. С. 252-259. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.3.18896>
9. Стожко К. П., Стожко Д. К., Шиловцев А. В., Некрасов С. Н., Сорокина Н. И. Исторические взгляды А. П. Щапова на государственное устройство России // Образование и право. 2023. №3. С. 334-341.
10. Ламин В. А. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010.
- 11 Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб: И.М. Сибиряков, 1891. 720 с.
12. Любавский М. К. Русская колонизация. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
13. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.

References:

1. Kozlov, A. E. (2021). Ot Lazarya do petrashevcev: voobrazhenie Sibiri v allegoricheskoi povesti N. D. Akhsharumova "Grazhdane lesa". *Imagologiya i komparativistika*, (15), 214-235. (in Russian).
2. Mikhnovets, M. V. (2022). Obrazy okrain Rossiiskoi imperii v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: geopoliticheskii i istoriko-literaturnyi aspekty. Diss..... kand. filol. nauk. St. Petersburg. (in Russian).

3. Etkind, A. (2022). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii. Moscow. (in Russian).
4. Derzhavin, G. R. (1957). Stikhotvoreniya. Leningrad. (in Russian).
5. Tompson, E. (2007). Imperskoe znanie: russkaya literatura i kolonializm. *Perekrestki*, (1-2). (in Russian).
6. Potanin, G. N. (1907). Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri. Tomsk. (in Russian).
7. Ivanov, A. A. (2002). A. P. Shchapov o shtrafnoi kolonizatsii Sibiri. In *Chelovek i priroda v istorii Rossii XVII-XXI vekov. Vtorye Shchapovskie chteniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk*, 45-49. (in Russian).
8. Ryabkova, O. A. (2016). Sibirskie "oblastniki" (A. P. Shchapov, G. N. Potanin, N. M. Yadrintsev) o polozhenii narodov Sibiri v sostave Rossiiskoi imperii. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, (3), 252-259. (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.3.18896>
9. Stozhko, K. P., Stozhko, D. K., Shilovtsev, A. V., Nekrasov, S. N., & Sorokina, N. I. (2023). Istoricheskie vzglyady A. P. Shchapova na gosudarstvennoe ustroystvo Rossii. *Obrazovanie i parvo*, (3), 334-341. (in Russian).
10. Lamin, V. A. (2010). Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Novosibirsk. (in Russian).
11. Yadrintsev, N. M. (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie. St. Petersburg. (in Russian).
12. Lyubavskii, M. K. (2014). Russkaya kolonizatsiya. Moscow. (in Russian).
13. Protasov, L. G. (2014). Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: Entsiklopediya. Moscow. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 18.03.2024 г.

Принята к публикации
24.03.2024 г.

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. Идеологи областничества о территориальном статусе, населении и перспективах развития Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №4. С. 619-632. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/79>

Cite as (APA):

Protasova, O. (2024). Ideologists of Regionalism on the Territorial Status, Population and Development Prospects of Siberia (End of XIX - Beginning of XX centuries). *Bulletin of Science and Practice*, 10(4), 619-632. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/79>